

ПУТЕШЕСТВИЕ

ДОСТАТОЧНО попасть в Гавану, как сразу становится ясно, чем сильна Куба, чем она неприступна для врагов, чем она так страшна для империалистов. Ее сила — в самосознании народа, в любви кубинского народа к своему отечеству, в вере трудового народа и интеллигенции своему революционному правительству во главе с Фиделем Кастро и его соратниками. Сила Кубы — в ее подлинном суверенитете, в действительной, а не кажущейся независимости государства в политике и экономике.

Когда я глядел на карту и видел на ней контуры маленького, продолговатого острова, а совсем неподалеку от него — очертания огромной страны — Соединенных Штатов Америки, горные хребты и прибрежные равнины многочисленных латино-американских стран, где, нечего скрывать, далеко не все правители стоят за Кубу и кубинскую революцию, я сомневался, что маленькая восставшая страна сможет устоять в неравной борьбе и сохранить свой суверенитет.

Но достаточно попасть на Кубу, чтобы убедиться в том, что эта страна далеко не маленькая... Шесть с половиной миллионов населения острова, умноженные на огненный темперамент кубинцев, умноженные на их беззаветную любовь к родине, когда каждый готов умереть за отечество, умноженные на веру в победу, делают Кубу большой страной, а ее народ — великим и непобедимым.

В свое время американский капитал немало потрудился, чтобы стать хозяином Кубы, этого поистине прекрасного, поистине жемчужного острова, острова сказочных богатств и неисчерпаемых возможностей.

Огромные роскошные отели, упирающиеся в лазурное небо Гаваны, шикарные магазины различных торговых фирм, тресты, синдикаты; широкие шоссе, идущие через весь остров — во все уголки его провинций; аэродромы, железные дороги — все это строилось, сооружалось для того, чтобы бесперебойно и без лишнего помех обрабатывать и вывозить богатства Кубы в чужие страны, перекладывать ее добро в чужие карманы.

Все было учтено для того, чтобы иностранные монополии на Кубе богатели и процветали. Не учли только то, что на этом острове живет кубинский народ, имеющий свой язык, свою родину, гордое сердце и высокий дух патриотизма. Этому народу не давали учиться, не давали возможности иметь свой национальный театр, свое киноискусство. На все это нужны были деньги, средства, а ими владели иностранные монополии и их наймиты — диктатор Батиста и его окружение.

Без средств, без особых затрат люди могли только петь, играть на гитаре и слагать стихи о свободе, о своем храбром народе. Кубинские песни — и веселые, и грустные, и трагические, и боевые — известны во всем мире, их слагал и пел одаренный, талантливый народ. Кубинские танцы исключительно грациозны и пластичны; они зажигают зрителей, открывая их сердца для любви, то подымая их боевой дух.

Одно то, что в стране, окруженной со всех сторон морем, славящейся своими чудесными пляжами с золотым песком, девяносто процентов населения не умели плавать, говорит о

«Мы победим!» — восклицают кубинцы, приветствуя Фиделя Кастро.

НА КУБУ

том, что простым кубинцам были недоступны даже берега родной земли. Все, буквально все пляжи, где можно было отдохнуть после трудового дня, все побережье принадлежало различным аристократическим клубам, в которых одни лишь вступительные взносы составляли несколько тысяч песо — сумму, недоступную для трудового люда.

Правители Кубы — Батиста и его приближенные — состояли на иждивении у иностранных компаний и монополий и, кроме этого, являлись держателями акций этих компаний. Поэтому они цинично втапывали в грязь суверенитет своей страны, надругались над национальной гордостью народа и топили в крови все передовое и революционное.

Естественно, что у этих диктаторов были свои слуги и друзья внутри страны. После революции правители сбежали, а слуги остались.

И, когда в тревожные дни, на наших глазах покидал Гавану персонал посольства правительства Эйзенхауэра, перед сверкающим, белым зданием стояла длинная очередь тех кубинцев, у которых была нечиста совесть перед своим народом. Здесь собрались пожилые дамы с воспаленными от бессонницы глазами, господа с наспех завязанными галстуками, воровато оглядывавшиеся по сторонам, — весь тот человеческий сброд, которому в те дни разрешили катиться ко всем чертям вслед за своими хозяевами... Никто не запрещал им выезд с острова: «Пусть враги уезжают!», — говорили в народе.

Это было поистине великодушное зрелище, когда мимо жалких «бывших» людшек шагали отряды народной милиции, парни и девушки, кубинские девушки, которые славятся своей красотой во всем мире; когда мимо них пронеслись автобусы с плакатами: «Террористов к стенке!», «Родина или смерть!».

В эти дни буквально вся Куба была вооружена.

Возле отеля, в киоске парень продавал прохладительные соки. Когда он повернулся спиной к прилавку, я увидел у него на бедре новенький кольт.

Заметив мою улыбку, парень объяснил, что он только вчера получил оружие в штабе милиции. «Это оттуда», — хитро

подмигнув, указал он пальцем в небо.

Дело в том, что в эти дни американские самолеты беспрепятственно сбрасывали оружие в разных провинциях Кубы, наивно полагая, что оно попадает в руки террористов и контрреволюционеров и будет использовано против народного правительства, против революции. А это оружие почти целиком оказалось в руках народа, защищающего независимость своей страны.

У входа в «Институт народов» в форме народной милиции стоял седой негр — жилистый, худой человек с юношескими глазами.

— Вы извините, я на посту, — сказал он. — Но не могу не обнять советских людей, людей из Москвы...

И Апполонио Родригес — так звали негра — обнял нас, как родных, своими длинными цепкими руками.

Крестьянский мальчик Родригес с десяти лет начал работать на сахарных плантациях. Долго, покорно нес бремя тяжелого труда.

Из блокнота писателя

— А потом я решил, что человек должен жить, как человек, а не как скотина... — рассказал нам Апполонио. — И путь жизни подсказали мне книги Ленина. Я прочел все написанное Лениным, — все, что попадалось мне на испанском языке. Так я стал коммунистом. А потом — солдатом революции. Мне шестьдесят два года, и я воюю за счастье своих детей, своей Кубы. Спасибо народу, который дал миру великого Ленина!

Всюду, куда бы мы ни попадали, мы чувствовали огромную любовь к советскому народу, к нашей стране.

Во время посещения новой школы на окраине Гаваны пожилая учительница Росса Родригес Солера обратилась к своим ученикам-старшеклассникам:

— Ребята! Посмотрите в глаза этим людям, — указала она на нас. — И запомните их лица. Это советские люди из далекой страны, из страны друзей, которые помогли нам в самые трудные минуты жизни.

И на глазах учительницы показались слезы, слезы радости и благодарности.

Георгий МДИВАНИ.
(Окончание следует).

2 MAR 1961

Советская культура
Г. Москва

143